
ЭТЮДЫ ОБ УЧЁНЫХ

**“ЗАМЫСЕЛ ИЛИ ОШИБКА?”:
ФИНАЛ РОМАНА “ТИХИЙ ДОН” В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ
К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА АН СССР М.А. ШОЛОХОВА**

© 2025 г. Н.В. Корниенко^{а,*}

^аИнститут мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия

*E-mail: natalkornienko@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.03.2025 г.

После доработки 21.03.2025 г.

Принята к публикации 15.04.2025 г.

Роман Михаила Шолохова “Тихий Дон” — бесспорно, одно из величайших произведений русской литературы XX в. Публикация в 1940 г. последней книги романа спровоцировала бурные обсуждения в центральной периодике, на заседаниях секции критиков Союза советских писателей и впоследствии в Комитете по Сталинским премиям. В настоящей статье рассмотрены разные точки зрения современников писателя касательно финальных глав романа и то, как на это реагировал сам Шолохов.

Ключевые слова: М.А. Шолохов, “Тихий Дон”, “Поднятая целина”, литературная критика, Союз писателей, Сталинская премия по литературе.

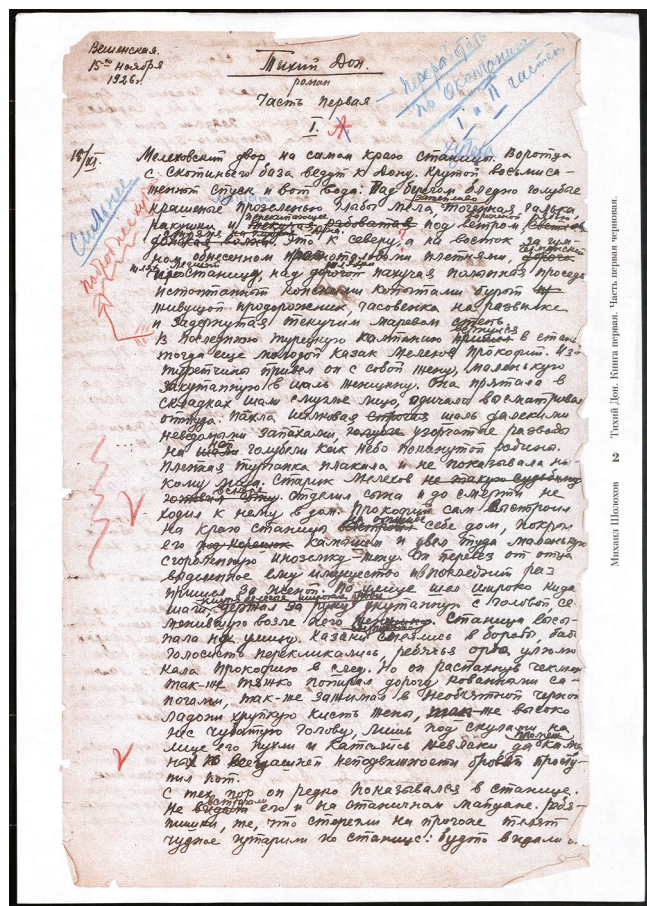
DOI: 10.31857/S0869587325050056, EDN: EKKPBP

В смутные годы последнего десятилетия XX в., запомнившиеся кампаниями по развенчанию крупнейших писателей советской эпохи, в частности дискредитацией автора “Тихого Дона”, в научных планах Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН) прочно утвердилась шолоховская тема. В 1999 г. при поддержке Правительства РФ и президиума РАН была приобретена и передана в Отдел рукописей ИМЛИ РАН рукопись первых двух томов “Тихого Дона” (материалы, которые в 1929 г. М.А. Шолохов направил в комиссию, которая рассматривала вопрос о плагиате). Под руководством директора института члена-корреспондента РАН Ф.Ф. Кузнецова формировалась программа исследования документальных и научных источников: первого собрания писем писателя [1], факсимильного издания рукописи романа (2003) и её научного описания [2], коллективных трудов [3] и авторских монографий [4–6]. В планах была подготовка первого тома академического собрания сочинений, однако текстологическая ко-

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984)

КОРНИЕНКО Наталья Васильевна — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН.

Рукопись первой части “Тихого Дона”

миссия ИМЛИ РАН (руководитель — член-корреспондент РАН Л.Д. Громова-Опульская) приняла решение отложить этот проект. Для этого были веские причины: отсутствие авторитетных работ по шолоховской текстологии и биографии писателя, непроработанность исторического и литературного контекста 1920–1950-х годов — периода, когда рождались насыщенные эпохой шолоховские тексты. Было принято решение провести фронтальную сверку текстов романов “Тихий Дон” и “Поднятая целина” — от рукописи до всех прижизненных изданий. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда запущен проект, направленный на поиск в архивах Москвы и станицы Вёшенской писем читателей Шолохову [7, 8]¹. В 2018 г. вышло первое научное издание романа “Тихий Дон” с тек-

¹ Проект объединил сотрудников ИМЛИ РАН и Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова (станция Вёшенская). Наследники писателя предоставили для работы уникальный семейный архив — десятки больших коробок с письмами читателей 1940–1980-х годов. Письма читателей 1930-х годов выявлялись в фондах московских архивов. Письма, отправленные в довоенное десятилетие на родину Шолохова, были утрачены (как и архив самого писателя) во время бомбёжки станицы Вёшенской летом 1942 г.

стологическим обоснованием [9], в 2022 г. — “Поднятой целины” [10]. Сегодня на повестку вынесены сложнейшие вопросы по подготовке исторического и литературного комментария шолоховских текстов, содержащих энциклопедические по масштабу сведения о главных событиях отечественной истории и культуры XX в.

Среди большого свода проблематики изучения наследия Шолохова вопрос финала главного романа писателя был да и остаётся едва ли не основной темой дискуссий критиков и литературоведов. Сам Шолохов в эти споры не вмешивался ни в 1940 г., когда была опубликована последняя (восьмая) часть четвёртой книги, ни в 1950–1970-е годы, предоставив толкователям его творчества полную свободу в решении судьбы Григория Мелехова. Особый интерес представляют споры, развернувшиеся в 1940 г. Почему они не рассматривались отдельно — вопрос не из простых. Публичных высказываний на страницах газет и журналов было не так много. Суждения именитых современников Шолохова о романе и его, мягко говоря, странном финале хранили только архивы, однако участники тех событий не спешили их обнародовать. Было много причин не вспоминать, а исследователям — не изучать и не публиковать стенограммы ряда закрытых собраний 1940 г., на которых горячо обсуждался шолоховский вопрос. К тому же мало кто из современников писателя, критически высказавшихся в тот год о “Тихом Доне”, вспоминал о социалистическом реализме — главном методе советской литературы. А если и вспоминали, то чисто риторически, ибо предпочтение отдавалось насущным вопросам литературы и жизни. Это будет сделано позже, когда страсти вокруг романа улягутся и необходимо будет вписать “Тихий Дон” в общее направление советской литературы как литературы социалистического реализма. В истории литературы не раз получалось так (не только в отношении “Тихого Дона”), что современники писателя, собравшись по перу и критики, оказывались более зоркими и точными в своих вопросах к финалу романа. С 1925 г. на критику была возложена функция образования и воспитания не только читателя, но и писателя (резолюция ЦК РКП(б) “О политике партии в области художественной литературы”).

Литературная и литературно-политическая жизнь страны в 1940 г. была наполнена самыми разными событиями. Их краткая хроника, которую мы попытаемся реконструировать, позволяет отчасти ответить на вынесенный в заглавие настоящей статьи вопрос А.Н. Толстого к финалу романа “Тихий Дон”, прозвучавший осенью 1940 г. на обсуждении в Комитете по Сталинской премии². В том же году отмечались два крупных юбилея классиков русской

² Все материалы, касающиеся обсуждения “Тихого Дона” в Комитете по Сталинской премии, подготовлены в рамках исследовательской шолоховской программы ИМЛИ РАН и опубликованы в 2003 г. [3, с. 486–551].

Издания Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

и советской культуры: 100-летие со дня рождения П.И. Чайковского и 10-летие со дня смерти В.В. Маяковского. Юбилей Маяковского вернул из забвения имена некоторых выдающихся современников поэта. Были опубликованы неизданные произведения В. Хлебникова, переписка А. Блока и А. Белого, в малой серии “Библиотеки поэтов” вышли тома И. Анненского, Ф. Сологуба, В. Хлебникова, А. Белого и С. Есенина. По поводу Есенина критики писали так, будто с ним в истории русской литературы ничего не происходило. В тихой и благожелательной рецензии на страницах “Литературного обозрения” ничего не было сказано ни о “Злых замечках” Н.И. Бухарина (1927), ни о масштабной кампании по борьбе с “есенинщиной”, ни о судьбах есенинского круга поэтов. Рецензент признавал, что за последние 10 лет Есенин “почти не издавался, в немногочисленных антологиях русской лирической поэзии его имя, как правило, отсутствовало, критики и историки современной литературы словно забыли о нём совершенно, будто и на свете не существовало никогда такого поэта. В перечне грехов нашей критики и историко-литературной науки — этот грех принадлежит к числу действительных и притом трудно оправдываемых”. И здесь же: “Для кого же является секретом тот

факт, что и по сие время Есенин остаётся одним из самых читаемых поэтов нашего недавнего прошлого” [11, с. 26].

Имя Анны Ахматовой, пребывавшей в забвении почти 15 лет, тоже вспомнили в годовщину смерти Маяковского. В январе 1940 г. Ахматову приняли в Союз писателей, на страницах ленинградских журналов появились её стихи, в головном издательстве Союза писателей “Советский писатель” был принят к публикации сборник её избранных стихотворений “Из шести книг”.

В январе 1940 г. подошла к завершению начавшаяся ещё в 1938 г. жёсткая дискуссия о роли критики в советской литературе и позиции журнала “Литературный критик”. Сложившееся в Союзе писателей двоевластие было ликвидировано 10 января на совещании, организованном новым (с 29 января 1939 г.) руководителем союза А.А. Фадеевым. Были утверждены состав руководящего звена секции критиков и её председатель — литературовед В.Я. Кирпотин. В тот же день в “Литературной газете” открылась рубрика “Литературные споры”, одной из главных тем которой стало обсуждение книги “К истории реализма” (1939) Г. Лукача — ведущего теоретика журнала “Литературный критик”. Затянувшаяся дискуссия (январь—март) переросла в разгромную

кампанию по обвинению журнала в грубых идеологических ошибках. Обсуждение на страницах газеты сопровождалось записками в ЦК, подписанными А.А. Фадеевым, В.Я. Кирпотиним и критиком В.В. Ермиловым.

Отметим, что М.А. Шолохов был неплохо осведомлён о позиции журнала “Литературный критик”, с первых его номеров следил за полемическими выступлениями и общался, судя по документам, с членами редколлегии. С 1935 г., когда были опубликованы первые главы седьмой части четвёртой книги “Тихого Дона”, в “Литературном критике” печатались статьи о Шолохове члена редколлегии В.Ц. Гоффеншера. Шолохов часто встречался с одним из авторов журнала А.П. Платоновым, что засвидетельствовали не только их современники, но и осведомители ОГПУ. Благодаря рекомендации Шолохова в 1938 г. в журнале появилось прекрасное исследование молодого фольклориста И.И. Кравченко “Песни донского казачества”, а в 1940 г. его же статья “Шолохов и фольклор”³. Можно сказать, что это были первые исследования языка Шолохова, выполненные на высоком научном уровне; обе работы до сих пор не потеряли своей актуальности.

В 1940 г. произошло событие, напрямую связанное с празднованием 60-летия И.В. Сталина в декабре 1939 г.: 1 февраля было принято Постановление СНК СССР об учреждении премий имени Сталина по литературе в области поэзии, прозы, драматургии и литературной критики [13]. 5 февраля “Литературная газета” открылась посвящённой этому событию редакционной статьёй: “Сталинская премия! Как много нужно работать, чтоб получить на неё право! Какого художественного уровня должны достигнуть произведения, какого глубокого проникновения в жизнь и мастерства воспроизведения!”

Кроме ставших аксиомой утверждений о советской литературе как “авангарде мировой литературы”, о “знамени реализма” и новом его качестве у советских писателей (“Мы творим реализм созидательный, ибо с нами великая партия Ленина—Сталина”), было недвусмысленно заявлено, что сталинскую премию получит тот, кто будет отвечать современной повестке: “Современная тема, естественно, должна волновать писателя раньше всего. <...> Рвутся, ломаются старые традиции, старые привычки, старые понятия. На их месте создаётся новая мораль, новые человеческие ценности, новые отношения людей к труду, собственности, государству. <...> Нам дано применить свой талант не только для критики отжившего, старого, но и для утверждения нового, пути к которому освещены учением Маркса—Ленина—Сталина. Это особое качество советской литературы, многоязычной

и многонародной, делающее её самой передовой в мире” [14]. Всё это звучало весьма соблазнительно и возбудило великие страсти в литературной среде, ведь претендентов на выражение “нового” к 1940 г. было немало — не только среди писателей, но и среди критиков. Объявление о премии придало литературным дискуссиям особую остроту.

Вопрос о публикации последнего тома “Тихого Дона” оставался на особом контроле у И.В. Сталина, что подтверждают многочисленные свидетельства. История отношений писателя и вождя имеет хорошую документальную основу, и без неё не обойтись, когда речь идёт о финале романа и его обсуждении в 1940 г. Заочное знакомство Сталина и Шолохова состоялось в 1929 г., когда с выходом первых двух книг (журнал “Октябрь”, 1928 и 1929 гг.) на писателя обрушилась всесоюзная известность, выразившаяся в многочисленных рецензиях на роман из разных писательских лагерей, включая русскую эмиграцию, а также в небывалом дотоле потоке писем от читателей со всех уголков Союза. Роман “Тихий Дон” стал *главной книгой* всей страны.

Литературная жизнь выхода первых двух книг романа отмечена пиком ожесточённой литературной борьбы пролетарских писателей с “попутчиками”, которая во многом отражала внутривластную борьбу в партии с левой и правой оппозицией. В 1928 г. случился масштабный кризис заготовительной кампании, положивший начало репрессивной коллективизации. Вторая книга завершалась документальным описанием гибели отряда красных казаков Ф.Г. Подтёлкова и М.В. Кривошлыкова⁴. Однако финальные аккорды к картине кровавой бойни в дни православной Пасхи исполнены на языке двух символических образов — часовни Божией матери на могиле Валета с чёрной вязью славянского письма “В годину смуты и разврата не осудите, братья, брата” и описания дикой природы: “И ещё — в мае бились возле часовни стрепета. <...> А спустя немного, тут же возле часовни, под кочкой, под лохматым покровом старюки-полюны, положила самка стрепета девять дымчатосиних краплёных яиц и села на них, грея их теплом своего тела, защищая глянцено оперённым крылом” [9, т. 1, с. 691]. Эти образы вплетают историческое событие в контекст большой русской литературы, в том числе традиций чистого искусства и чистой лирики XIX в., представленных именами А.А. Фета, А.К. Толстого и А.А. Голенищева-Кутузова⁵. К стихотворению последнего, как известно, восходят строки на шолоховской часовне. Сто-

³ Подробно об истории публикации в журнале статей И.И. Кравченко и биографии фольклориста см. [12, с. 337–395].

⁴ По первоначальному замыслу именно этот исторический факт Гражданской войны на Дону должен был стать основным в повести “Донщина”.

⁵ Представителей “старой русской литературы” и “чистого искусства” признавали в те годы вредными и ненужными: “Такой лирике сейчас нечего делать. Такая лирика должна умолкнуть. Что могут они, утончённо-барские, сказать нашему времени о нашем времени” [15, с. 120, 130].

ит напомнить этот прекрасный текст [16, с. 63] русского поэта XIX в. и члена-корреспондента Императорской академии наук:

«В годину смут, унынья и разврата
Не осуждай заблудшегося брата;
Но ополчась молитвой и крестом,
Пред гордостью — свою смирай гордыню,
Пред злобою — любви познай святыню
И духа тьмы казни в себе самом.

Не говори: “Я капля в этом море!
Моя печаль бессильна в общем горе,
Моя любовь бесследно пропадёт...”
Смирись душой — и мощь свою постигнешь;
Поверь любви — и горы ты подвигнешь,
И укротишь пучину бурных вод!»

Безусловно, семантика неточной цитаты в тексте Шолохова ясна и без обращения к стихотворению Голенищева-Кутузова. Редуцируя и сжимая поэтический текст, писатель заменяет форму личного обращения лирического героя (“Я”) на формулу эпического сознания (“Мы”) и, можно сказать, возвращает литературный текст к исходному для него содержанию — Соборным посланиям апостолов Христа, для которых характерна форма “Мы”. “Братья” — архетип любого праведного человека, несущего, по словам апостолов, своё и чужое бремя: “Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза” (первое послание Иоанна, гл. 2, ст. 9–11). Замена, внесённая Шолоховым в лирическое стихотворение, привносит в исходный текст элемент абстрагирования и символизации, превращает лирическую исповедь, исполненную у Голенищева-Кутузова христианской интонации, в нравственный императив, адресованный каждому и всем.

В этом контексте нельзя отказать в прозорливости критику Н.Л. Янчевскому, который в 1930 г. на обсуждении “Тихого Дона” в редакции ростовского журнала “На подъёме” не только дал исчерпывающую, в духе времени, оценку контрреволюционного статуса старых казачьих песен в романе, но и отметил, что в финале второй книги Шолохов противопоставил “классовой правде” две правды: “не только казачью”, христианскую, «глубокое “лирическое отступление”, написанное в иконописных тонах», но и “правду природы, из которой выросла казачья правда” (цит. по [3, с. 432, 433]).

Если бы Шолохов поставил здесь финальную точку, “Тихий Дон” вошёл бы в золотой фонд русской классики. Философски и эстетически вторая книга романа обладает всеми признаками завершенности, о которой можно сказать словами класси-

ка И.Ф. Анненского: “Законная незаконченность поэтического образа” [17, с. 35].

Однако первые страницы третьей книги (посвящённой Верхнедонскому восстанию 1919 г., “донской Вандее”) отменяют победу образа над хроникой. Её публикация, начавшаяся в 1929 г., была тогда же приостановлена, и развернулась широкая дискуссия о “Тихом Доне” и его авторе. Со страниц пролетарских изданий звучали политические обвинения в идеализации прошлого, казачьего быта, кулачества и белогвардейщины, в игнорировании принципа классовости⁶. Не склонные к подобным нападкам считали, что талантливый молодой прозаик Шолохов должен избавиться от некоторых своих иллюзий и в третьей книге выстроить путь Григория Мелехова к советской власти. Другого выбора герою не оставляли ни А.С. Серафимович, ни А.В. Луначарский, ни критики попутнического направления. На ином пути автора романа “жадно подкарауливает гибель”, предупреждал Серафимович, и выдвинул спасительное для героя и автора решение: “Дон исчерпан. Исчерпано крестьянство в своеобразной казачьей общине. И если молодой писатель не войдёт в самую толщу пролетариата; если он не сумеет также удивительно впить в себя лицо рабочего класса, его движения, его волю, его борьбу, — если не сумеет этого сделать, погиб народившийся писатель. Если не сумеет всосать в себя великое учение коммунизма, проникнуться им, погиб писатель” [20, с. 6].

В марте 1929 г. арсенал борьбы с Шолоховым пополнился ещё одним, весьма популярным аргументом в литературной борьбе — обвинением в плагиате. Шолохов представил комиссии, которая рассматривала это обвинение, папку с рукописными материалами первой и второй книг романа. Тем не менее публичное опровержение клеветы не сняло вопрос Шолохова с повестки дня. В водовороте обрушившихся на писателя в 1929 г. требований редколлегии “Октября” — исправить допущенные в третьей книге фундаментальные политические ошибки — особняком стоит письмо Шолохова, посвящённое коллективизации на Дону. Оно было отправлено летом 1929 г. в Москву (Е.Г. Левицкой) и тогда же передано Сталину: “Жмут на кулака, а середняк уже *раздавлен*. Беднота голодает. Имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хопёрском уезде у самого истога середняка, зачистую даже маломощного. Народ звереет, настрое-

⁶ См. выступления на дискуссии в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) в сентябре 1929 г.: “Шолохов читал мне ряд глав, и я ему сказал, что это нужно выкинуть ко всем чертям, у тебя эти места не удались” (А.А. Фадеев, руководитель РАППа); «“Тихий Дон” парализует партийные документы (постановления партии), с которыми подходишь к казаку...” (А.И. Бусыгин, руководитель Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей с центром в Ростове-на-Дону, СКАПП) [18, с. 56, 57]; «...явно беспартийный “Тихий Дон” Шолохова идеализирует кулачество» [19, с. 38] и др.

ние подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится” [1, с. 34]. 16 января 1931 г. — уже прямое письмо Сталину об “угрожающем положении в ряде районов Северо-Кавказского края”: “Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь всё это своими глазами, когда ходишь по колхозным конюшням, мимо *лежащих* лошадей; когда говоришь с колхозником и не видишь глаз его, опущенных в землю. По слободам ходят чудовищно разжиревшие собаки, по шляхам валяются трупы лошадей” [1, с. 64].

В июне 1931 г. на даче Горького состоялась встреча Шолохова со Сталиным, на которой было принято решение о продолжении публикации “Тихого Дона”. В 1932 г. отдельным изданием вышла третья книга “Тихого Дона”, а также первая книга “Поднятой целины”. Второй роман отвлек литературную общественность от проблемного “Тихого Дона”, его третьей книги, в которой рассказано, что одной из причин Верхнедонского восстания и пути Григория Мелехова (он становится командиром повстанческой дивизии) стала репрессивная политика “раскалывания” советской власти. Историки тоже постарались проигнорировать эту книгу, так как в то время они писали политически выверенную историю Гражданской войны⁷.

Между публикацией третьей и четвертой книг “Тихого Дона” образовался большой временной разрыв. Это никак нельзя списать на обстоятельства, как в случае с задержкой публикации третьей книги (1929 г. — начало, 1932 г. — завершение). С 1934 г. в письмах, публичных выступлениях и интервью Шолохов заявлял, что заканчивает работу над последней книгой, и каждый год — новое клятвенное обещание. «В этом году мне крайне необходимо разделаться с “Т[ихим] Д[оном]” и “Целиной”» (письмо Е.Г. Левицкой от 15 января 1934 г. [1, с. 151]); «В этом году хочу непременно закончить “Тих[ий] Дон”» (письмо Левицкой от 7 апреля 1934 г. [1, с. 157]). «Сижу, заканчиваю “Тихий Дон”. Что-то всё не так получается, как хотелось бы» (письмо Левицкой от 4 марта 1935 г. [1, с. 162]); «Кончу его в конце года, если добрые люди не будут мешать» (письмо в редакцию журнала “Новый мир” от 16 октября 1935 г. [1, с. 167]); “4 книга будет готова не раньше конца этого года” (письмо читательнице Кадышевой от 17 октября 1935 г. [1, с. 169]); “К печати она (четвертая книга. — Н.К.) будет готова, по всей вероятности, в феврале. В ней разрешаются все тематические линии романа”⁸; «К весне сдам “Тихий Дон”. Оста-

лось ещё одно последнее сказанье — и всё!» (письмо Левицкой от 27 декабря 1935 г. [1, с. 170]). “В Сочи непременно приеду, как только разделаюсь с окаянной книгой” (письмо Н. Островскому от 14 августа 1936 г. [1, с. 174]); «Яростно корплю над 4-й “Тих[ого] Дона” и уже зрю конец...” (письмо Ф. Князеву от 30 сентября 1936 г. [1, с. 175]). «Я ещё не закончил последнюю книгу “Тихого Д[она]”» (письмо Г. Борисову от 5 января 1937 г. [1, с. 178]).

Отдельные главы четвертой книги с 1935 г. печатались в центральных газетах (“Известия”, “Правда”, “Литературная газета”); седьмая часть целиком будет опубликована в “Новом мире” в 1938 г. Кажется бы, вот он — открытый финал романа, наконец-то правильный жизненный путь, выбранный Григорием Мелеховым, на который ему указывали ещё в 1929 г. Седьмая часть романа представляет историю разгрома Верхнедонского (Вёшенского) восстания: отступление Белой армии и казачьих частей, их эвакуацию на английские пароходы в Новороссийске. “Нет, не поеду”, — таков ответ Мелехова на адресованный ему вопрос “Поедешь или нет?” и сюжетная развязка. Григорий принял решение и едет навстречу вступающим в город частям Красной армии: “Навстречу ему из-за угла, пластаясь в бешеном налёте, вылетели шесть конных с обнажёнными клинками. У переднего всадника на груди кровенел, как рана, кумачный бант” [9, т. 2, с. 612].

Завершающая роман восьмая часть появится нескоро. В длинном письме Сталину от 16 февраля 1938 г., полностью посвящённом репрессиям 1936—1937 гг. в Вёшенском районе, о “Тихом Доне” упоминается лишь в самом конце: “За пять лет я с трудом написал полкниги. В такой обстановке, какая была в Вёшенской, не только невозможно было продуктивно работать, но и жить было безмерно тяжело. Туговато живётся и сейчас” [1, с. 203]. В письме от 16 октября ни слова о романе: “Приехал к Вам с большой нуждой. Примите меня на несколько минут. Очень прошу” [1, с. 211]. О том, что эта “большая нужда” затмила литературные дела, Шолохов признаётся в письме к Левицкой от 23 ноября: «Не пишу “Тих[ий] Дон” вот уже 8 м-цев...». И здесь же: “*Пишут со всех концов страны* и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, *так много человеческого горя на меня ввалили*, что я уж начал гнутья. Слишком много для одного человека” (курсив мой. — Н.К.) [1, с. 214].

По своему пафосу история ходатайств Шолохова по делам народным — в высшей степени пушкинская, традиционная для русской классики. Ключевой для русской классической литературы вопрос отношений между жизнью и искусством, в котором Шолохов всегда отдавал приоритет жизни перед “гордостью мысли”, найдёт своё отражение в сложнейшей архитектонике разноречивого “Тихого Дона” и в самом феномене исторических писем Шолохова Сталину. В этой традиции можно найти хоть какие-то объяснения некоторым странным яв-

⁷ 23 и 24 мая 1932 г. газета “Известия” печатает подробный план многолетнего проекта “История гражданской войны”. Том IV назывался “Казачья Вандея” и состоял из трёх частей: часть I — “Контрреволюция на Дону”, часть II — “Гражданская война на Северном Кавказе”, часть III — “Красный Царицын”. В этом же году опубликованный в газете текст вышел отдельной книгой.

⁸ «“Тихий Дон” будет закончен в феврале», — из беседы с М.А. Шолоховым [21, с. 6].

лениям литературной жизни 1930-х годов. Самый читаемый писатель советской литературы, автор трёх книг “Тихого Дона” и первой книги “Поднятой целины”, “полпред книг” советской литературы за рубежом⁹ не выступал на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 г., не принимал участия ни в одном из пленумов Союза писателей, не высказывался публично на политических процессах 1936–1938 гг., освещавшихся во всех центральных газетах. При этом не только народный (массовый, как тогда говорили) читатель выбрал “Тихий Дон” главной книгой десятилетия, но и самая элитарная европейская литературная общественность. Ещё до публикации четвёртой книги “Тихого Дона” шведские критики называли Шолохова реальным претендентом на Нобелевскую премию [23, с. 504–508]. Избрание писателя в академики АН СССР 28 января 1939 г. стало признанием его таланта и особого статуса в жизни страны.

Сохранилось не так много свидетельств о завершении работы над последними главами романа в 1939 г. Среди них письма к Е.Г. Левицкой от 30 июля: «Полтора месяца не брался за перо и вот только сейчас сажусь отвечать на письма, а за “Т[ихий] Д[он]” что-то боюсь братья; хочу дать голове прийти в норму. <...> Поохотимся... а там уж возьмусь и dokonчу этот осточертевший мне и добрым людям “Т[ихий] Д[он]”» [1, с. 218]; и И.В. Сталину от 11 декабря: «На днях, после тринадцатилетней работы, я кончаю “Тихий Дон”» [1, с. 221]. В январе последняя часть романа поступила в журнал “Новый мир”, о чём 29 января 1940 г. Шолохов сообщил Сталину: «Привёз конец “Тихого Дона” и очень хотел бы поговорить с Вами о книге» [1, с. 222]. В феврале–марте 1940 г. в “Новом мире” были напечатаны последние главы “Тихого Дона”. Многие пытались вывести у Шолохова, какими всё-таки они будут, строили предположения, но не угадал никто. Его лаконичный ответ 1935 г. на вопрос, что ожидает героев в финале “Тихого Дона”, — “Правдивый конец” [24, с. 3], — критики постарались не заметить. Каждая эпоха по-своему трактует понятие правды.

Возвращение домой — сквозная тема последней части. С этого начинается первая глава об оправившейся от тяжёлой болезни Аксиньи, твёрдо решившей возвращаться в хутор Татарский; в родной хутор вернулись уходившие в отступ казаки, в том числе воевавшие с Григорием Мелеховым, а из Красной армии — большевик Мишка Кошевой, возлюбленный Дуняши Мелеховой. Мать и Аксинья ждут возвращения Григория. Страницы, посвящённые последним дням жизни “надломленной страданием” [9, т. 2, с. 636], “мудрой и мужественной старухи” [9, т. 2, с. 642] Ильиничны, — вершинные в рус-

ской литературе. Возвращение Григория Мелехова домой задаёт новый виток пути героя: столкновение с Кошевым, предупреждение Дуняши об аресте; банда Фомина и уход из банды; гибель Аксиньи, возвращение в хутор Татарский:

“Григорий подошёл к спуску, — задыхаясь, хрипло окликнул сына:

— Мишенька!.. Сынок!..

Мишатка испуганно взглянул на него и опустил глаза. Он угадал в этом бородастом и страшном на вид человеке отца... <...>

Что ж, вот и сбылось то немногое, о чём бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот дома, держал на руках сына...

Это было всё, что осталось у него в жизни, что пока ещё роднило его с землёй и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром” [9, т. 2, с. 780].

Литературная общественность не сразу откликнулась на завершение романа. Финал ошеломил сознательных и неискушённых читателей, критиков и собратьев-писателей. Весной 1940 г. ведущие критики были сосредоточены на мероприятиях, посвящённых 10-летию со дня смерти В. Маяковского, и ситуации вокруг журнала “Литературный критик”. Может быть, именно поэтому разговор о романе Шолохова открылся в “Литературной газете” (1 марта) статьёй редактора Гослитиздата Ю.Б. Лукина «Окончание “Тихого Дона”». 23 марта в “Правде” вышла статья известного журналиста Д.И. Заславского, вполне благожелательная, правда, с некоторыми “но” касательно позиции автора, который почему-то не рассказал о жизни Мелехова в Красной армии: «Четвёртая книга “Тихого Дона” показывает, как оправдалось замечательное предвидение товарища Сталина, как победила новая, пролетарская стратегия, основанная на учёте классовых сил. <...> Четвёртая книга достойно завершает эпопею гражданской войны на Дону. <...> Правда, это односторонняя эпопея. Свет и тени неравномерно распределены на полотне “Тихого Дона”. Солнечным светом залито всё, что находится в пределах станции Вёшенской»¹⁰ [25].

19 мая на первой дискуссии в секции критиков, посвящённой четвёртой книге, был затронут ряд вопросов, связанных с завершением истории Григория Мелехова и финалом романа. Все выступавшие единодушно признали высокое мастерство “великого художника”: “Эта восьмая часть написана так, что многие вряд ли предугадали, или могли предугадать то, что там написано” (В.Ц. Гоффеншефер [26, с. 242]); “Многие ожидания не оправдались. Многие хотели видеть Григория большевиком. Многие хотели, чтоб он погиб. Художник поступил

⁹ Из выступления литератора С.М. Третьякова на Первом съезде советских писателей. Он также отметил, что на Западе автор “Тихого Дона” воспринимается как “фигура легендарная и даже сенсационная” [22, с. 344].

¹⁰ Примечательная описка: основные события романа разворачиваются в хуторе Татарском, а в Вёшенской живёт сам Шолохов.

так, как ему показалось лучше” (С. Кирьянов [26, с. 273]); “Ничего другого в судьбе Григория, кроме того, что там написано, [произойти не могло, это] как действие закона физики, — так показан характер и так показана судьба. Это для меня было просто открытием. Такого чувства я давно не испытывал от чтения художественных произведений” (В.О. Перцов [26, с. 272]).

Пожалуй, лишь в выступлении А.А. Бека был сформулирован главный для советской литературы вопрос о том, как соотнести образ положительного героя литературы социалистического реализма и Григория Мелехова: “Безусловно, это самый настоящий положительный герой. Это герой, на стороне которого все симпатии читателя, который является реалистическим героем, которого автор любит, читатель любит и т.д. С точки зрения всего построения образа в романе здесь не может быть сомнения никакого. Другое дело с точки зрения советской власти... Тут мало найдётся людей, которые будут утверждать это. <...> Это — враг, и он должен быть наказан. Но в романе, конечно, это самый положительный герой, самый дорогой читателю. <...> Мне кажется, что центральная задача нашей литературы именно заключается в том, чтобы с такой же силой, или большей, создать образ людей, которые мыслят, строят, рубят, — в том числе и головы таким людям, как Григорий. Тогда это будет произведение, которое решает центральную задачу” [26, с. 278–280]. Бека не раз одёргивали, словно не желая, чтобы он привёл свою речь к логическому завершению.

Заключительные слова руководителя секции критиков ССП В.Я. Кирпотина обозначили главное направление разработки проблематики “Тихого Дона”, которой теперь должны были заниматься критики, помогая читателю правильно понимать роман: «Шолохов — писатель советский, писатель социализма, об этом спору не может быть... “Тихий Дон” — это самый совершенный советский эпический роман» [26, с. 291, 292].

Не все выступавшие на заседании секции обнародовали свою позицию, тем не менее схема обсуждения в целом сложилась. Летом в “Литературной газете” одна за другой выходили статьи критиков о романе. Фигура читателя присутствует практически везде, но это уже просто риторическая формула, которая демонстрирует, с одной стороны, единство взглядов читателя, критика и писателя, с другой, заботу о мировоззрении читателя, который может неправильно истолковать финал “Тихого Дона”, поэтому “читательской массе” необходимо разъяснить, как следует понимать возвращение Мелехова к порогу родного дома: “Можно пожалеть о том, что Шолохов не воспользовался образом Григория Мелехова, к которому он сумел привлечь внимание и симпатии миллионов читателей для того, чтобы сделать его образом типичным для большинства трудового казачества” [27, с. 4];

“Скорбь читателя о судьбе Григория Мелехова есть одновременно радость за тех, кому уже не страшны никакие яды старого мира, за весь наш народ, за его могучее сталинское единство, за преодоление неслыханных трудностей. <...> Читатели и критики правильно воспринимают Григория Мелехова в восьмой части, как другого, особенного человека, по сравнению с Григорием, известным нам по предшествующим частям романа. Этот новый, особый, другой Мелехов уже не имеет права на трагедию” [28, с. 3].

15 и 26 августа состоялись закрытые заседания президиума правления Союза писателей, посвящённые выдвижению кандидатов на Сталинскую премию. Их проводил П.А. Павленко — в те дни заместитель исполняющего обязанности секретаря президиума ССП. В первый день был составлен длинный список возможных лауреатов главной литературной премии страны, известных писателей и критиков. Во второй день после обсуждения было принято решение ограничиться лишь одним произведением, опубликованным в 1940 г.: «Имея в виду большое политическое значение, какое будет иметь присуждение премии им. т. Сталина за лучшее произведение 1940 года, представить Комитету по Сталинским премиям одну кандидатуру — кандидатуру т. Шолохова и роман его “Тихий Дон”, окончание которого приходится на 1940 год» [29].

9 сентября в ЦК партии состоялось совещание, посвящённое широкому кругу идеологических вопросов современной культуры, которые были сформулированы в докладной записке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Жданову от 30 августа. В записке речь шла о пьесе Л.Л. Леонова “Метель”, указывалось на грубые просчёты известного писателя в изображении героев Гражданской войны и их врагов, а сама пьеса характеризовалась как “клевета на советскую действительность” [30, с. 449]. На совещании 9 сентября, в центре которого оказался фильм “Закон жизни” по сценарию писателя А.О. Авдеенко, теме изображения врагов было посвящено большое выступление Сталина. Его основные претензии заключались в следующем: “Дело вовсе не в том, что Авдеенко изображает врагов прилично, а дело в том, что нашего брата он в тени оставляет. <...> Не хватает красок изобразить наших людей. <...> Я хотел бы знать, кому из героев он сочувствует? Во всяком случае, не большевикам. Почему же у него в противном случае не хватило красок показать настоящих людей? Откуда взялись Чкаловы, Громы? Откуда же они взялись, ведь они с неба не падают? Почему не хватает красок на то, чтобы показать хороших людей?” [30, с. 451–454].

Преподнесённая Сталиным одна из важных тем русской литературы — изображение положительного героя — во многом объясняет ряд партийных поста-

новлений осени 1940 г.¹¹, а также главное направление в интерпретации финала “Тихого Дона”, когда едва ли не основным становится сопоставление авторской подачи образов Григория Мелехова (врага) и Мишки Кошевого (большевика): «Михаил Шолохов — писатель огромной известности, *книгами его увлекаются — и по заслугам*. Однако образы коммунистов являются наименее разработанными, наименее совершенными в его книгах. Если бы коммунист Мишка Кошевой, такой же казак, как Мелехов, был выведен в “Тихом Доне” с такой же полнотой и с таким же совершенством, как Григорий, каким бы он стал *любимым героем читателя*, и многое в романе стало бы яснее, много *читательских недоумений* было бы снято» (курсив наш — Н.К.) [31, 32]. Вероятно, с сентябрьским поворотом в литературно-политической жизни связано и принятое 8 октября на заседании президиума правления ССП (под председательством А.А. Фадеева) решение выдвинуть на Сталинскую премию не только “Тихий Дон”, но и другие произведения: романы С.Н. Сергеева-Ценского, В.Л. Василевской, поэму Н.Н. Асеева, сборник стихов С.П. Щипачёва.

На проходивших с 12 октября курсах-конференциях для молодых критиков, прибывших в Москву из 30 регионов страны [33], вопросы о финале “Тихого Дона” чаще всего были адресованы ведущим московским критикам Л.И. Тимофееву, Ф.М. Левину, Е.Ф. Усиевич и В.В. Ермилову. Стенограммы этих заседаний интересны не только вопросами, которые звучали с места, высказываниями известных представителей литературной жизни того десятилетия, но и общей атмосферой, сложившейся вокруг романа Шолохова. Приведём небольшие фрагменты из стенограмм встречи с членами редколлегии журнала “Литературный критик” Ф.М. Левиным и Е.Ф. Усиевич.

Из стенограммы беседы Левина с курсантами 13 октября 1940 г.

ЛЕВИН. Они (речь идёт о выступлениях критиков на страницах “Литературной газеты”. — Н.К.) чрезвычайно неверно поняли борьбу за советского героя, навалились на Шолохова и неправильно, несвоевременно поместили ряд статей о Шолохове. В этих статьях указывается, что Шолохов не дал нам образа настоящего большевика, Михаил Кошевой — это сравнительно плохой образ большевика, а Григорий Мелехов — это просто враг. Повелась атака на Шолохова под тем предлогом, что в ЦК на совещании было указано, что мы должны изобразить

наших людей и т.д. Я думаю, что “Литературная газета” допускает серьёзную ошибку. Пока это нигде не замечено, но, может быть, “Правда” об этом напишет. Начинают прорабатывать одного из лучших наших писателей. Можно дискутировать о Шолохове, надо дать место такой точке зрения, но большинство статей в “Литературной газете” именно на это напирало. Люди выступают с трибуны. Об этом писали Кирпотин, Ермилов, Чарный. Чарный написал две статьи, в которых указал, что у Шолохова герой белогвардеец, нет образа советского героя. Я взял книгу Чарного о Шолохове, написанную в 1934 г., и обнаружил и там такие же моменты, и даже мысль, что Шолохов по своей идеологии выражает настроение зажиточного казачества. Я посмотрел, что писали о Шолохове ещё раньше, в 1930 г., когда вышла первая часть “Тихого Дона”. Я нашёл высказывание критика Тоом. У нас иногда шутят: “Тоом говорит всё не о том”. Тоом и критик Бек выступили прямо с указанием, что роман Шолохова — это не социалистический реализм, что Шолохов идеолог кулачества, что его критика вредная, антисоветская книга. Они прямо с трибуны выступили с такими заявлениями. Во времена РАППа также об этом говорили. Я подумал, с каким же лицом Чарный берёт свои старые идейки, неверные мысли 1934 г., мысли с рапповским душком, разогревает этот старый бифштекс на сковородке, поливает соусом беседы в ЦК и печатает в “Лит. газете”. Редакция этого не оспаривает. Дискуссия приобретает односторонний характер [34]¹².

Из стенограммы беседы Е.Ф. Усиевич и В.В. Ермилова на курсах-конференциях критиков 24 октября 1940 г.

УСИЕВИЧ. У меня на днях был один наш писатель, не из худших, крупный писатель. Мы разговаривались. Была интимная беседа. Он мне сказал такую вещь: “Почему наши писатели плохи? Потому что у нас для того, чтобы стать хорошим писателем, нужен героизм, нужно быть героем, потому что человека преследуют, не дают ему писать то, что он хочет, и для того, чтобы писать правду, — надо быть героем, а нельзя от всякого требовать, чтобы он был героем”. При этом присутствовал один партийный человек, который сказал: “А ведь он прав, действительно, нельзя же от всякого требовать, чтобы он был героем”. У меня противоположное мнение. Писатель, как критик, так и прозаик, и поэт, должен быть героем. Писатель, кто бы он ни был по жанру, пишет для народа — для народа, от которого

¹¹ Речь идёт о партийных постановлениях по идеологическим вопросам современной литературы, принятым 14 сентября (о пьесах А.Г. Глебова “Начистоту”, В.П. Катаева “Домик” и М.Э. Казакова “Когда один”), 18 сентября (о пьесе Л.Л. Леонова “Метель”), 2 октября (о книге Н. Борисова “Выговор”), 29 октября (о сборнике А. Ахматовой “Из шести книг” и др.) [30, с. 455–462].

¹² О статье М.Б. Чарного в “Литературной газете” см. выше; его статья о “Тихом Доне” также печаталась в журнале “Октябрь” (1940. № 9). В 1934 г. в серии “Массовая критическая библиотека” вышла небольшая книга «В чём сила “Поднятой целины”». Критики Л.В. Тоом и А.А. Бек (будущий известный прозаик) в 1929–1930 гг. принимали активное участие в дискуссиях о “Тихом Доне” в РАППе.

мы требуем героизма. У нас героическое время, от народа требуется героизм в любой момент, а писатель, который учит его жизни, требует для себя права не быть героем! <...> Если стремишься к лёгкой жизни — не будешь хорошим критиком, не будешь хорошим писателем. Это — первое. Это аксиома. Все писатели, даже писатели прошлого, возьмите такого, как Бальзак, должны были обладать огромным мужеством для того, чтобы писать правду. <...> А что такое новатор — это с трудом объясняли. Выходило, что если у них построение фразы не совсем такое, как у других, то он — новатор. <...> Областной писатель — сам термин мне кажется каким-то странным. Нельзя же назвать Льва Толстого тульским писателем. Или же Шолохова нельзя назвать донским писателем. Тоже областной писатель! Живёт там. Я не знаю, почему нужно так подходить. Я считаю, что это большая ошибка, тем более я думаю, что они вовсе не нуждаются в скидке.

С МЕСТА. Ваше мнение о четвёртой книге Шолохова?

УСИЕВИЧ. У меня мнение такое: я удивляюсь тому, что люди чего-то ждали другого от Григория Мелехова. Честность Шолохова как писателя сказалась в том, что он, создав живой образ Григория Мелехова, не может делать с ним всё, что хочет. Он развивается, как живой человек. Писатель, который может закончить свою вещь, как хочет, пишет, пишет, а потом заканчивает так: была девушка, были её жених и бабушка, а через год оказалось, что Паша пошёл на охоту и нечаянно застрелился из ружья; или: а вечером бабушка повесилась. А бабушке не свойственно было вешаться! Пока этот роман тянулся, я была очень заинтересована. Я думала: неужели он приведёт его в колхоз? Он же не лезет в колхоз. Я как-то Шолохова спросила года полтора назад:

— Что вы думаете сделать с Мелеховым?

— Я сам не знаю. Я всё пытаюсь его на сторону красных перетянуть, а он у меня вырывается.

Один критик ему посоветовал:

— А вы его убейте.

Но это же не выход для писателя. Шолохов бился, бился. Вследствие этих его усилий его роман, по-моему, немножко растянут. Вот-вот Мелехов к белым перейдёт, а Шолохов его тянет. Мне кажется, что критики, которые сейчас накинлись на Шолохова, неправы вот почему: если бы они ставили вопрос, что Шолохов неправильно выбрал героя, надо было писать о ком-то другом — такую постановку вопроса я поняла, но тогда это нужно не сейчас говорить, а после первого тома. Но знать Григория Мелехова по трём томам и ожидать, что он будет красным, по-моему, нет оснований. Его стремление к личной независимости очень велико. По этому вопросу я разошлась в своих оценках даже с большинством тех критиков, с которыми я обычно бываю согласна.

Когда ставят вопрос: нет, Григорий Мелехов хороший, но Кошевой ему мешает, такая тупица, вместо того, чтобы встречать его с распростёртыми объятиями, он подозрительно к нему подходит; если бы он его не преследовал, тогда всё было бы хорошо, — можно сейчас, сидя здесь, в сороковом году такие вещи говорить, и то людям, которые не жили в 19–20-х годах. Если бы коммунист Кошевой поступил иначе, чем он поступил в 1919 г., он бы оказался плохим большевиком. Он правильно подошёл. Кошевой рассуждал: этот человек переметывался несколько раз. Где у него уверенность, что какая-нибудь вождя под хвост ему не попадёт и он ещё раз не переметнётся? Кошевой, со своей точки зрения, прав, был прав, и не только со своей точки зрения — он был прав с точки зрения партии. А вместе с тем Мелехов имел намерение сидеть спокойно, и, может быть, действительно он бы ещё годик-два посидел. Что было бы дальше — неизвестно. И зря пишет Ермилов, что трагедии нет, — он уже бандит, он уже не представитель никакого слоя, какая же это трагедия? Трагедия заключается в том, что он бандитом делается. Это трагедия. Но ни у какого Маркса, ни у какого Энгельса нигде не написано, что классовая борьба — это вещь не трагическая. И требовать, чтобы она была не трагична, или требовать, чтобы трагедии отдельных людей замазывались, — это глупое требование. <...>

С МЕСТА. Приводят знаменитое положение о типических условиях, о типическом характере. Мне кажется, нельзя говорить, что Григорий Мелехов ни в какие рамки не лезет.

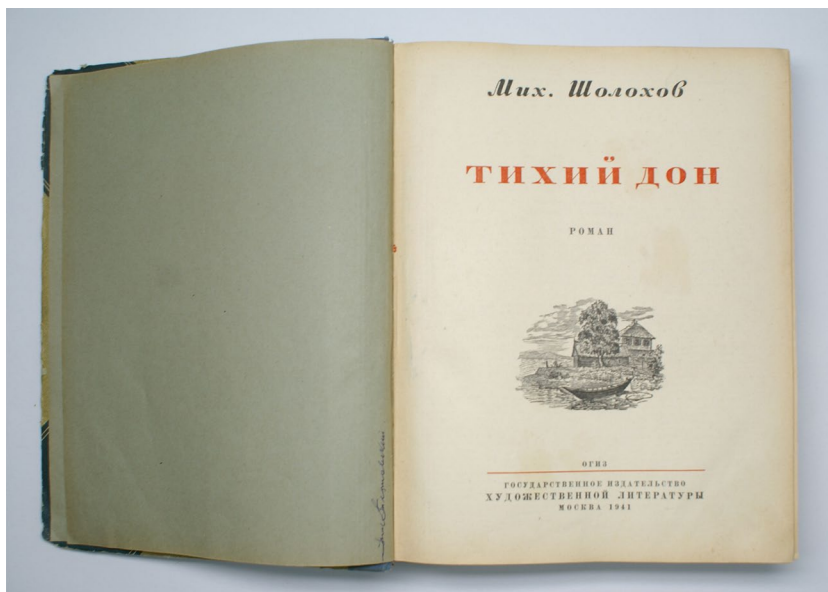
УСИЕВИЧ. Я говорю, что он не лезет в колхоз, в колхозные рамки. Это не значит, что он ни в какие рамки не лезет.

С МЕСТА. В некоторых статьях такой подход.

УСИЕВИЧ. Это неправильный подход. Типический характер — это вовсе не означает рядового представителя какой-нибудь прослойки. Подлинный типический характер часто вообще не встречается в жизни в чистом виде [35].

Тема финала “Тихого Дона” и читателя ещё более резко, чем в критике, будет сформулирована 18 ноября в выступлениях писателей на заседании Комитета по Сталинским премиям. Это был разговор о главных вопросах творчества, разговор столь же жёсткий, сколь и предельно искренний (курсив в цитатах наш. — Н.К.).

А. Толстой: «Книга “Тихий Дон” вызвала и восторги, и огорчения среди читателей. Общеизвестно, что много читателей в письмах своих требуют от Шолохова продолжения романа. Конец 4-й книги (вернее, вся та часть повествования, где герой романа Григорий Мелехов, представитель крепкого казачества, талантливый и страстный человек, уходит в бандиты) компрометирует у читателя и мя-

Однотомное издание романа “Тихий Дон” 1941 г.

тующийся образ Григория Мелехова, и весь созданный Шолоховым мир образов <...>. Такой конец “Тихого Дона” — замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка. Причём ошибка в том случае, если на этой 4-й книге “Тихий Дон” кончается... Но нам кажется, что *эта* ошибка будет исправлена волей читательских масс, требующих от автора продолжения жизни Григория Мелехова. <...> Григорий не должен уйти из литературы как бандит» [3, с. 500, 501].

А. Фадеев: “Все мы обижены концом произведения, в самых лучших советских чувствах. Потому что 14 лет ждали конца, а Шолохов привёл любимого героя к моральному опустошению. 14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, — и ничего не получилось в результате рубки. <...> Как у всякого истинного таланта, у Шолохова есть много правдивых картин. Например, смерть Подтёлкова. <...> Вот благодаря этому народ полюбил это произведение и поднял его на такую высоту. Но в завершении роман должен был прояснить идею. А Шолохов поставил читателя в тупик. И вот это ставит нас в *затруднительное положение*» [3, с. 503, 504].

А. Корнейчук: “Я согласен, что у читателей *остаётся чувство неудовлетворённости*. Мы хотели, чтобы Мелехов не так кончил. <...> Я тоже не согласен с концом. Вероятно, он будет писать пятую книгу. *Читатель требует*, чтобы он нашёл конец другого порядка [3, с. 505].

Н. Асеев: “Мы говорим, что, с одной стороны, это произведение заслуживает внимания, что это — выдающееся произведение, а с другой стороны, мы говорим: как же быть? *Какое влияние оно оказывает на наших читателей* и за границей? <...> Неправильно, что мы предъявляем счёт Шолохову в порочном

конце романа. Надо как-то разобраться. А в этом разобраться трудно. Но качественно литературно великолепная вещь может оказаться вредной идейно” [3, с. 514, 515].

А. Толстой: «Правильно был поставлен вопрос Асеевым, вреден ли “Тихий Дон”. Я думаю, что мы на это получим такой ответ: *читатель наш настолько вырос*, что он сам поправляет, вмешивается в творчество писателя. Читатель любит этот роман, “лезет туда с сапогами” и говорит: “Не так! Пиши 5-ю книгу!” *Читатель — это не такое существо, которое мы должны наполнять, а он будет кушать*. Нет, он пополняет художника, участвует в его творчестве — вопрос о вреде надо снять. <...> Это большое художественное произведение, огромное. С ошибкой, которая идёт с самого начала, в архитектонике, в конструкции этого романа. Нельзя свести революцию к судьбе одной семьи. *Шолохов должен раздвинуть рамки трагедии*” [3, с. 517, 518].

На тайном голосовании 25 ноября из 35 членов Комитета был подан 31 голос за “Тихий Дон” [3, с. 524]. На закономерный вопрос, почему большая дискуссия о “Тихом Доне” не была открыта, А.А. Фадеев ответил в выступлениях, также не предназначенных для печати. 17 декабря на заседании президиума ССП, посвящённом постановлению о критике¹³, Фадеев убеждал собравшихся, что ликвидацию журнала “Литературный критик” и секции критиков могут воспринять неправильно, что это якобы сделано “для посрамления критики”, но

¹³Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) “О литературной критике и библиографии” от 26 ноября 1940 г. подведёт итоги развернувшейся в 1939–1940 гг. войне критиков: ликвидирована секция критиков и прекращено издание журнала “Литературный критик” [30, с. 462, 463].

это неверно: это сделано для того, “чтобы ликвидировать обособление критиков от писателей” [36, л. 36]. Представляя от имени руководства Союза писателей новый проект — организацию в будущем году творческих дискуссий о самых значительных произведениях советской литературы — он был просто вынужден упомянуть “Тихий Дон”, так объяснив отказ от запланированной большой дискуссии о романе Шолохова: “Конечно, это такое крупное могучее произведение, на котором мы можем поднять очень интересную и большую дискуссию по существу вопросов, поставленных в этом произведении; тем более, что в печати уже такая дискуссия была, есть много точек зрения. Но тут есть одно соображение: Комитет по сталинским премиям постановил премировать тов. Шолохова за это произведение. Очевидно, через несколько дней это решение состоится, я так предполагаю. Премирование произведения — это уже есть произведение, как-то оценённое государством. Не получится ли таким образом, что уже немного поздновато об этом говорить. (*Сместа.* Конечно, получится неловко: произведение только что удостоено премии, а мы начнём говорить: конец плоховат и т.д.)” [36, л. 28, 29].

Лаконично сложившуюся ситуацию описал в своём выступлении П.А. Павленко: “Мы должны признаться, что мы устали, нам надоело работать в Союзе. Бывают же у людей профессиональные заболевания. Мы притупились немного, может быть, действительно, нам пора переизбираться? <...> Лучше писать книги, на страшном суде ведь именно это зачтётся” [36, л. 68].

30 декабря на последнем заседании Комитета по Сталинским премиям Фадеев обоснует свою позицию как руководителя Союза писателей: «Я выдвигал веские соображения против “Тихого Дона”, когда была одна премия. Я опасался, что это будет утверждать определённую линию в литературе. Но в числе трёх премий было бы странно возражать против “Тихого Дона”, потому что эта книга талантлива, заслуживает премии» [3, с. 532]. Масштабные творческие дискуссии, о которых говорил Фадеев, пройдут в 1941 г. (материалы обсуждений главных книг современной литературы печатались в “Литературной газете”) без участия Шолохова и его романа.

Сам автор “Тихого Дона”, входивший в состав Комитета по Сталинской премии, не присутствовал ни на одном его заседании. Летом 1940 г., когда разворачивалось обсуждение романа, он вновь был занят далёкими от литературы вопросами, что подтверждается его письмом Сталину от 19 августа с просьбой принять его “по вопросам колхозного хозяйства северных р-нов Дона” (речь шла о бедственном положении с хлебозаготовками).

“Он пришёл туда, куда ему надо было” [10, с. 639] — это утяжелённое авторское слово на по-

следней странице второй книги “Поднятой целины” (1955–1959), сопровождающее приход Андрея Размётнова на могилу забытой жены, можно прочитать и как шолоховский ответ на вечный вопрос о финале романа “Тихий Дон” и истории Григория Мелехова, который тоже “пришёл туда, куда ему надо было”... Перекликающиеся финалы двух романов очевидны в той всеобъемлющей картине мира, в которую вписаны судьбы их героев и которой завершается второй роман писателя:

“Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял, не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему тёплый ветер, накрапывал тёплый дождь... За Доном бело вспыхивали зарницы, и суровые, безрадостные глаза Размётнова смотрели уже не вниз, не на обвалившийся край родной могилки, а туда, где за невидимой кромкой горизонта алым полымем озарялось сразу полнеба и, будя к жизни засыпающую природу, величаявая и буйная, как в жаркую летнюю пору, шла последняя в этом году гроза” [10, с. 639].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шолохов М.А.* Письма / Под общ. Ред. А.А. Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М. Ушакова. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Sholokhov M.A. Letters / Ed. by A.A. Kozlovsky, F.F. Kuznetsov, A.M. Ushakov. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
2. *Шолохов М.* “Тихий Дон”. Динамическая транскрипция рукописи / Отв. ред. Г.Н. Воронцова. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
Sholokhov M. “And Quiet Flows the Don”. Dynamic transcription of the manuscript / Ed. by G.N. Vorontsov. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2011. (In Russ.)
3. Новое о Михаиле Шолохове. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
New information about Mikhail Sholokhov. Research and materials. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
4. *Семёнова С.Г.* Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Semenova S.G. The World of Mikhail Sholokhov's prose. From poetics to worldview. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
5. *Корниенко Н.В.* “Сказано русским языком...”. Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
Kornienko N.V. “Spoken in Russian...”. Andrei Platonov and Mikhail Sholokhov: Meetings in Russian Literature. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2003. (In Russ.)
6. *Кузнецов Ф.Ф.* “Тихий Дон”: судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

- Kuznetsov F.F.* “And Quiet Flows the Don”: the fate and truth of a great novel. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2005. (In Russ.)
7. “Очень прошу ответить мне по существу...”. Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955 / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020.
“I kindly ask you to answer me on the merits...”. Letters from readers to M.A. Sholokhov. 1929–1955 / Ed. by N.V. Kornienko. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2020. (In Russ.)
 8. “К Вам с письмом советский читатель...”. Письма читателей М.А. Шолохову. 1956–1984 / Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
“A Soviet reader with a letter to you...”. Letters from readers to M.A. Sholokhov. 1956–1984 / Ed. by N.V. Kornienko. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2022. (In Russ.)
 9. *Шолохов М.А.* Тихий Дон. Научное издание. В 2-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
Sholokhov M.A. And Quiet Flows the Don. In 2 vols. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2018. (In Russ.)
 10. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
Sholokhov M.A. Virgin Soil Uplifted. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2022. (In Russ.)
 11. *Павлов С.* Стихотворения Есенина // Литературное обозрение. 1940. № 11. С. 26.
Pavlov S. Yesenin’s Poems // Literary Review. 1940, no. 11. (In Russ.)
 12. Творческое наследие М.А. Шолохова в начале XXI в. / Отв. ред. Ю.А. Дворяшин. М.: ИМЛИ РАН, 2022.
M.A. Sholokhov’s literary legacy in the early XXI century / Ed. by Yu.A. Dvoryashin. Moscow: The Gorky Institute of World Literature, 2022. (In Russ.)
 13. Правда. 2 февраля 1940 г.
Pravda. February 2, 1940. (In Russ.)
 14. Сталинские премии литературы // Литературная газета. 5 февраля 1940.
Stalin Literature Prizes // Literaturnaya gazeta. February 5, 1940. (In Russ.)
 15. *Полонский В.* Концы и начала. Заметки о реконструктивном периоде советской литературы // Новый мир. 1931. № 1. С. 114–134.
Polonsky V. Endings and beginnings. Notes on the reconstructive period of Soviet literature // Novy Mir. 1931, no. 1, pp. 114–134. (In Russ.)
 16. Стихотворения графа А.А. Голенищева-Кутузова. СПб.: Тип. А.С. Суворова, 1884.
Poems by Count A.A. Golenishchev-Kutuzov. St. Petersburg: A.S. Suvorov Printing House, 1884. (In Russ.)
 17. *Анненский И.Ф.* Записная книжка 1898 г. Вып. 1: Учёно-комитетские рецензии 1899–1900 годов. Иваново: Юнона, 2000.
Annensky I.F. Notebook of 1898. Iss.1: Scholarly and Committee reviews of 1899–1900. Ivanovo: Junona, 2000. (In Russ.)
 18. Михаил Шолохов. Летопись жизни и творчества (материалы к биографии) / Сост. Н.Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005.
Mikhail Sholokhov. Chronicle of life and work (materials for a biography) / Comp. N.T. Kuznetsova. Moscow: Gallery, 2005. (In Russ.)
 19. *Камегулов А.Д.* Письмо товарищам // Печать и революция. 1930. № 5–6. С. 38.
Kamegulov A.D. Letter to comrades // The press and the revolution. 1930, no. 5–6, p. 38. (In Russ.)
 20. Серафимович А. “Тихий Дон” // Правда. 19 апреля 1928 г.
Serafimovich A. “And Quiet Flows the Don” // Pravda. April 19, 1928. (In Russ.)
 21. Литературная газета. 9 декабря 1935 г.
Literaturnaya gazeta. December 9, 1935. (In Russ.)
 22. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчёт. М.: ГИХЛ, 1934.
First All-Union Congress of Soviet Writers. Verbatim report. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1934. (In Russ.)
 23. *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017.
Marchenko T.V. Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize. Moscow: Azbukovnik, 2017. (In Russ.)
 24. *Дур.* Разговор с Шолоховым // Известия. 10 марта 1935 г.
Deer. Conversation with Sholokhov // Izvestia. March 10, 1935. (In Russ.)
 25. *Заславский Д.* Конец Григория Мелехова // Правда. 23 марта 1940 г.
Zaslavsky D. The End of Grigory Melekhov // Pravda. March 23, 1940. (In Russ.)
 26. *Антонова Е.В.* Стенограмма обсуждения четвёртой книги романа М.А. Шолохова “Тихий Дон” // Вёшенский вестник. 2023. № 23. С. 240–293.
Antonova E.V. Transcript of the discussion of the fourth book of the novel by M.A. Sholokhov “And Quiet Flows the Don” // Veshensky Vestnik. 2023, no. 23. (In Russ.)
 27. *Чарный М.Б.* О конце Григория Мелехова и конце романа // Литературная газета. 26 июня 1940 г.
Charny M.B. On the end of Grigory Melekhov and the end of the novel // Literaturnaya gazeta. June 26, 1940. (In Russ.)
 28. *Ермилов В.В.* О “Тихом Доне” и о трагедии // Литературная газета. 11 августа 1940 г.

- Ermilov V.V.* On the “ And Quiet Flows the Don” and the tragedy // *Literaturnaya gazeta*. August 11, 1940. (In Russ.)
29. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 449. Л. 1–11.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 15. Ed. hr. 449. L. 1–11. (In Russ.)
30. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999.
Power and artistic intelligentsia. Documents of the Central Committee of the RCP(b) – Cheka – OGPU – NKVD on cultural policy in 1917–1953 / Ed. by acad. A.N. Yakovlev. Moscow: International Foundation “Democracy”, 1999. (In Russ.)
31. *Кирпотин В.Я.* О “среднем” писателе и о герое литературы // *Литературная газета*. 22 сентября 1940 г.
Kirpotin V.Ya. About an “average” writer and a literary hero // *Literaturnaya gazeta*. September 22, 1940. (In Russ.)
32. *Громов П.* Григорий Мелехов и Михаил Кошевой // *Литературная газета*. 22 сентября 1940 г.
Gromov P. Grigory Melekhov and Mikhail Koshevoy // *Literaturnaya gazeta*. September 22, 1940. (In Russ.)
33. Курсы-конференция молодых критиков // *Литературная газета*. 6 октября 1940 г.
Courses-conference of young critics // *Literaturnaya gazeta*. October 6, 1940. (In Russ.)
34. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 478. Л. 53–55.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 6. Ed. hr. 478. L. 53–55. (In Russ.)
35. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 488. Л. 2–22.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 6. Ed. hr. 488. L. 2–22. (In Russ.)
36. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 474. Л. 36.
The Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 15. Ed. hr. 474. L. 36. (In Russ.)

**“INTENTION OR MISTAKE?”:
THE FINALE OF THE NOVEL “AND QUIET FLOWS THE DON”
IN THE ASSESSMENTS OF THE CONTEMPORARIES
ON THE 120th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES M.A. SHOLOKHOV**

N.V. Kornienko^{a,*}

^a*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

^{*}*E-mail: natalkornienko@yandex.ru*

Mikhail Sholokhov’s novel “And quiet flows the Don” is undoubtedly one of the greatest works of the Russian literature of XX century. The publication in 1940 of the last book of the novel provoked heated discussions in the central periodicals, at meetings of the Critics’ Section of the USSR Writers’ Union and subsequently in the Committee on the Stalin Prizes. This article examines the various views of the writer’s contemporaries regarding the ending of the novel, and Sholokhov’s own reaction to it.

Keywords: M.A. Sholokhov, “And quiet flows the Don”, “Virgin Soil Uplifted”, literary criticism, Writers’ Union, Stalin Prize for Literature.